

Сон распался на перышки.
Голубь вспархивает в темноту.
Хлопанье крыльев стихает.
Ночь полна серебра.
Я умываюсь им, перед тем как
отправиться в пустыню.
Три часа ночи. Я вспоминаю,
как когда-то мать оставила
меня в карантинном боксе
с воспалением легких.
После забытья в горячке
я думал, что я умер.
И вокруг меня духи.
Ее звали Надежда,
эту медсестру, что гремела
шприцами в кювете на подносе.
Она гремела стеклянными башнями
в долине блеска. Она
носила халат на голое тело
и делала больничные уколы.
Я помню их всем телом, но в эту
ночную глухую пору я ухожу
в дебри Иудейской пустыни.
Здесь все пустыри – пустыня,
и все холмы, каждая кочка
означает что-то библейское,
почти столь же великое,
как это имя – Надежда.
Первое, что вспоминаю
из пребывания в стационаре, –
Надя протягивает мне чашку
кефира. С тех пор вкус
сахарного песка, намокшего
в кефире, – вкус рая. Я ухожу
и слышу, как в ночи на
бедуинских стоянках лают
собаки, как ревет осёл.
Я вдыхаю запах камней и
овечьего помета. Но я
тороплюсь, мне некогда
прощаться с тем, прощаться с тем,
что я делаю здесь столько
тысячелетий. Столько раз
я просил оставить меня в покое,
наедине с природой, со всеми
этими климатическими поясами,
средней полосой и русской равниной,

с горами, морем и пустыней,
но никак меня не оставляла тайна.
Она со временем разошлась
и стала делать уколы прямо в сердце.
Я иду через пустыню и вспоминаю.
Как однажды, в то самое время,
в стационаре, когда меня навсегда
покорили стеклянные башни,
к нам в окно палаты сунулись
две лошадиные морды. А прежде
бешеный топот галопа
обрушил ночь, и совхозные кони
с бесседельными всадниками-конокрадами
ворвались к нам в окна первого этажа.
Мы принесли воров для лошадей
из бака в столовой хлеба.
О, как я помню те стеклянные башни!
Мое лицо в зеркале рассвета
исчезает под пеленой тумана.
Я возвращаюсь в кровать.
Завтра я снова проведу пустыню.
Я пойду по лунной дороге,
по приказу светил и юдоли.
Что еще могу я сделать, чтобы
преодолеть пустыню, где
столько любил, где весна открывается
ослепительными анемонами,
пламени которых я скормил
не одну страницу. Я в пустыне
добываю буквы. Вот как иные
намывают со склонов Шамбалы россыпь
особых песчинок, так и я буквой
за буквой добываю крохи
для матери-пустыни. Моя жизнь
вокруг, словно мое тело –
подражает стеклянным башням,
когда-то привившим меня смыслом.
Жизнь перестает быть призраком, если
добывать из нее буквы. И тогда
какое-нибудь слово сможет
снова стать стеклянной башней.
Из темноты возвращается голубь.
Он садится на ограду сна.
Я подсыпаю ему крошки.